

Аузан. Уважаемые друзья, уважаемые коллеги!

Я считаю, что у нас сегодня с вами праздник. И праздник не только потому, что встреча эта посвящена восьмидесятилетию академика Анчишкина и нашему внутреннему университетскому празднику пятидесятилетия кафедры. Праздник в другом. Праздник в том, что мы не просто поминаем за банкетным столом то, что было когда-то, а праздник в том, что мы намерены говорить о серьёзных вещах, и у нас есть определённые планы и виды на будущее. С вашего позволения, я бы говорил очень кратко вступительные слова, которые, мне кажется, мы должны были говорить вместе с президентом нашего экономического факультета Василием Петровичем Колесовым. Василий Петрович, мы приветствуем Вас, потому что те условия, в которых мы теперь можем мыслить, спорить, обсуждать и так далее – это заслуга прежде всего нашего президента Василия Петровича Колесова.

Теперь, если позволите, очень короткие мысли в виде таких вступительных соображений.

Александр Иванович Анчишкин – очень университетский человек, потому что человек, который получил образование по политической экономии и писал диплом у Николая Александровича Цаголова, а затем пошёл в совершенно неожиданные идеи планирования. Впрочем, вспомним, что Николай Александрович у нас тоже с Госпланом был связан. Вот такой серьёзный, университетный, я бы сказал, заход позволяет человеку двигаться в разных направлениях, и в итоге Александр Иванович проходит путь от студента до заведующего кафедрой, а потом начинает путь, о котором, наверное, Виктор Викторович знает намного больше: создаёт институт, создаёт направление.

Это не только история. У меня такое ощущение, что мы находимся на очередном витке спирали, потому что если мы вспомним, когда рождались основные идеи и доклады Анчишкина, то да, самотлорская нефть, поиск перехода советской экономики на интенсивные пути развития – вам это не напоминает ничего? Мне напоминает, потому что мы, по-моему, находимся опять в очень похожей ситуации, только тогда говорили «хозяйственный механизм» - теперь говорят «институты», тогда говорили «нефтяные ресурсы» - теперь говорят «нефтяное проклятье» и так далее. Теперь говорят «модернизация и инновационное развитие» - тогда говорили «интенсификация и научно-технический прогресс». Но в общем мы на следующем витке обсуждаем те же проблемы. Поэтому прямой резон опереться на то, что делалось и думалось тогда.

И последнее, уважаемые коллеги. Вы знаете, мне кажется, главное, что происходит сейчас и что нужно было бы очень приветствовать. Для меня всё больше и больше люди делятся не по взглядам, а по их длине; не по тому, что они отстаивают, а по тому, на какой срок они думают про страну, про семью, про себя, про всё. Потому что при коротком взгляде мы, естественно, обсуждаем проблемы коррупции, того, что этих убрать, этих поставить и прочее, прочее, а вот при долгом взгляде мы начинаем говорить о другом. Академик Анчишкин – это, конечно, такая философия долгого взгляда, и не только философия, но и технология, и способы анализа. Мне кажется, это и есть предметы наших нынешних интересов и обсуждений.

Если позволите, на этом я закончу вступительные слова от имени экономического факультета МГУ и попрошу академика Ивантера, нашего уважаемого гостя Виктора Викторовича сказать вступительные слова, для того чтобы мы стартовали.

Спасибо.

Ивантер. Уважаемые коллеги!

Александр Иванович Анчишкин был, во-первых, профессор, во-вторых, академический исследователь, и в-третьих, как сказали бы сегодня, правительственный аналитик. Вот он един в трёх лицах, и те люди, которые присутствуют здесь, понимают, что его нельзя вот взять и поделить, разрезать на разные вещи. Это был единый, и присутствующие здесь понимают, что для него всё было равно дорого. Потому что институт сформирован в значительной мере за счёт выпускников экономфакультета. Вот

Андрей Германович Коровкин, на него сослаться – он так навскидку сказал: приблизительно 50% состава института – это выпускники экономфака. Может, больше, но не меньше, по крайней мере. Значительно, я смотрю, здесь выдающиеся наши правительственные аналитики (я имею в виду и Мотинова, и Коссова, и Клепача) – это люди тоже... это же люди университетские. И они неслучайно, потому что это Александр Иванович.

И с этой точки зрения я думаю, что во второй части нашей конференции будет возможность вспомнить немножко. Я думаю так, и слёзы, и сопли, и всё остальное будет возможность, но всё-таки у нас в первой части совершенно другая проблема. Дело в том, что мы здесь – это не вечер воспоминаний. Дело в том, что школа Александра Ивановича – она, на мой взгляд, реально существует. Реально существует, продолжает своё действие в новых лицах, в новых условиях. Но выясняется, что есть спрос на будущее, и тут мне хотелось бы сказать несколько слов о прогнозировании, которое, собственно говоря, в действительности то, что сделал Александр Иванович, начал – это же против правил. Как можно было заниматься прогнозированием в условиях, когда прогнозирование было – это неправильно, это же неправильно? Какие могут быть прогнозы, когда мы так, когда нам абсолютно известно, куда и как двигаться? Это первое. Это, конечно, в этом смысле – я думаю, что это был научный подвиг. Подвиг реально смелый. Это не бегание с лозунгами – это реализация. В условиях, когда это было абсолютно неприемлемо и непригодно. Это одна часть.

Вторая часть, как мне кажется, сегодня очень важна. Что такое прогнозы? К сожалению, большая часть общественности и даже правительства предполагает, что прогнозы – это предсказания. Это очень огорчительно, и мы должны всё-таки учить власть, что если власть хочет знать, что будет – это к цыганам. Те точно знают, что будет. Мы абсолютно не знаем, что будет. Мы занимаемся экономическими исследовательскими прогнозами, а это что такое? Это оценка непосредственных действий или бездействий. И в этом смысле мы продолжаем вот то направление, которое было развито, начато Александром Ивановичем. Но он ведь не только, я ещё раз сказал, вот он, кроме того, что он был действительно и профессор, и академический * аналитик, он ещё был организатор науки. Я ещё раз хочу сказать: есть такое понятие «успешный менеджер». Я сейчас сделаю некое предсказание, которое я делал, что если академией будут управлять успешные менеджеры, то всё украдут, если не успешные – только половину. В действительности он не был успешным, он был действительно организатором науки. И в этом смысле наш институт был создан, так сказать, «тремя богатырями», безусловно. Это Александр Иванович Анчишкин, это Юрий Васильевич Ярёмченко и Станислав Сергеевич Шаталин. Это три команды объединились в одну, и это был, конечно, мощный прорыв. И нам кажется, что мы в какой-то мере в эти годы – очень непростые – сумели сохранить эти три направления, и доклады, которые будут сделаны сегодня, вот институт они уже как-то, мне кажется, может быть, в этом направлении показывают ситуацию.

Да, ещё одна вещь, сделанная институтом. Вы знаете, есть ли что-то новое, вот сделано ли что-то новое по сравнению с тем, что было заложено? Я думаю, что этим новым является проблема краткосрочного прогноза. Я подчёркиваю, почему это очень серьёзно, потому что в плановой экономике у нас... мы ведь чем занимались? Мы занимались проблемой, связанной с планом. Это довольно естественно. То есть попытка оценки плана, оценка плана. Краткосрочная оценка плана – это было, этим все занимались. А вот проблема краткосрочных прогнозов возникла уже в новой жизни – и, казалось бы, всё было очень просто, нужно было просто взять систему, так сказать, модели и счёта, который есть в рыночных экономиках, но выяснилось, что это абсолютно непригодно. Нет, не потому что, а просто вещь, для другой жизни построенная. И в этом смысле я считаю, что в этом смысле у нас такой был сотрудник, а теперь он – член нашего учёного совета, Андрей Рэмович Белоусов. Он таки создал систему краткосрочного

прогнозирования, и в этом смысле достаточно, это вот, мне кажется, направление, которого не было. Это первое.

Второе: я хотел бы сказать, что в течение длительного времени институт не занимался долгосрочными прогнозами. Это не потому, что мы забыли, или ленивые, или случайно. Просто долгосрочные прогнозы построены на длинных рядах, а длинные ряды сломались, и это не давало возможности. И только вот первый долгосрочный прогноз – ну, относительно долгосрочный – мы сделали в 2007 году и сейчас мы повторили в 2012 году. И желающие могут получить. Как всегда, организация академическая страдает, значит, эти книги были привезены, Александр Александрович, да? Мы привезли. И я бы сказал: если некие усилия люди потратят, они могут получить эту книгу, причём бесплатно, мы её сейчас не продаём. Но где-то она есть. И там можно проследить, как мы себе представляли 2030 год в 2007 году и как мы это представляли, представляем вот в 2012-м. Это может быть интересно, и в какой-то мере это вот такой конструктивный прогноз, который сочетает подходы – и генетический, и нормативный, и попытку посмотреть в будущее; может быть, это будет тоже полезно.

Теперь я хотел бы напомнить коллегам, потому что, как всегда тоже, я думаю, что программы конференции, наверное, у большинства людей нет. А она есть, и она вот в чём заключается.

Будет доклад заместителя директора Института прогнозирования РАН Александра Александровича Широва, который называется «Вызовы социально-экономического и научно-технологического развития России. Возможности прорыва и инерция консервативного...» - здесь очень длинное учёное название, и, кажется, это не Александр Александрович придумал. Это, наверное, Аузан. Хорошее название.

Аузан. То есть другой Александр Александрович, Вы хотите сказать.

Ивантер. Хорошее название.

Затем будет доклад заведующего кафедрой Андрея Николаевича Клепача «О стратегическом управлении в развитии российской экономики», очень интересно.

Затем будет доклад Николая Ивановича Комкова, заведующего лабораторией института «Прогнозирование и управление научно-технологическим развитием, экономическим ростом. Методологии и практики».

Мы о чём договорились? Что докладчики, если их не остановить, могут говорить бесконечно. Докладчик говорит пятнадцать минут, зато будет возможность выступить. И в качестве таких вот оппонированных по первому докладу мы очень ждём Ивана Мотирова, Марата Узякова и Вячеслава Панфилова. По докладу Клепача – Михаила Ксенофонтова и * Орешина. А по докладу Комкова – Фальцмана и Варшавского. Но это то, с кем мы договорились, но это никак не мешает всем остальным по этому вопросу выступить. И вот в качестве, в рамках комментария пока предполагаются выступления Глазьева, Шмелёва, Крылатых, Ершова, Косова, Костакова, Пороховского, Худокормова, Хубиева и других.

Ну вот, спасибо. Я думаю, что, может быть, мы, Александр Александрович, предоставим слово Александру Александровичу Широу для доклада, да?

Аузан. Давайте, да.

Ивантер. Пожалуйста.

Аузан. Александр Александрович, пожалуйста.

Широв. Спасибо за возможность выступить на этой конференции. И так как всё-таки мне кажется, что вопрос того, как спрогнозировать экономическое развитие и каков взгляд нашего института, который основал Александр Иванович, на текущее экономическое положение – этот вопрос является важным, то я в своём докладе как раз попытаюсь рассказать в силу того короткого времени о двух основных вещах. Первое – это наше видение текущей экономической ситуации и перспектив развития экономики, и второй вопрос, безусловно, очень важный – это вопрос используемой нами методологии.

Ну, вот мы в последние где-то месяц-два видим довольно существенные изменения в области экономической политики, и одни понимают, что происходит, другие не

понимают, что происходит. Наша позиция состоит в том, что до конца мы мотивацию этих решений не понимаем, но пытаемся выстроить эту логику. И на самом деле выстраивание этой логики приводит нас к тому, что вот у тех решений, которые сейчас есть, эта логика присутствует. И вот на этом слайде (конечно, тут очень плохо видно, я попытаюсь это сказать некоторыми словами) эта логика изображена.

Во-первых, если исходить из того, что ситуация в мировой экономике ухудшается, и это долгосрочный тренд, то можно прийти к выводу, что стимулирование внутреннего спроса не имеет смысла, потому что, ну, один из аргументов состоит в том, что отсутствует потенциал конкурентоспособных мощностей в экономике и промышленности. Следовательно, нужно приготовиться к длительному периоду стагнации. В этих условиях эффективность бюджетных расходов крайне мала. Соответственно, пришло время для сокращения расходов бюджета и структурной перестройки экономики. На фоне заморозки тарифов снизятся издержки естественных монополий и повысится общее качество экономического роста. Но собственно при восстановлении мировой экономики мы получим новую модель экономического развития, которая будет более качественной, которая позволит нашей экономике развиваться активнее в долгосрочной перспективе. Так вот, эта логика существует, но, с моей точки зрения, эта логика ведёт к тому, что мы можем получить довольно низкий темп роста в 2014 году, в 2015-2016-м, а соответственно – снизить потенциал роста российской экономики в долгосрочной перспективе.

В чём состоит наша позиция? Наша позиция состоит в том, что вот эти меры, которые предлагаются, являются неэффективными, потому что на самом деле влияние мировой экономики, с нашей точки зрения, сейчас является нейтральным. И основные проблемы, которые есть в нашей экономике, носят внутренний характер, и кроме того, они связаны с тем, что наша экономика по сравнению с уровнем 1998-1999 годов практически удвоилась. Она стала значительно больше, и, соответственно, в ней возникли определённые проблемы. Кроме того, когда нам говорят, что отсутствует потенциал незагруженных мощностей, это тоже не так, потому что на самом деле наш анализ показывает, что в последние годы были введены значительные мощности различных предприятий, в том числе металлургия, химическое производство и так далее. И все, большинство этих мощностей ориентированы именно на внутренний рынок, то есть эти мощности могут быть загружены и могут обеспечить внутренний экономический спрос.

Ключевым моментом текущей экономической динамики являются инвестиции. И рост инвестиций в условиях низких темпов экономического роста практически невозможен, особенно частных инвестиций. Поэтому высокие темпы экономического роста являются необходимым условием для проведения инновационной политики, и инновационной тоже, потому что в этом случае инновации – это следующий шаг после инвестиций.

Эффективность мероприятий по оптимизации расходов возрастает в условиях растущей экономики, то есть если мы пытаемся оптимизировать расходы, когда экономика падает, то эффективность всё-таки будет, наверное, меньше, чем если это мы будем делать на растущем тренде.

Ну и, соответственно, главное – нужно преодолеть инвестиционную паузу, которую мы сейчас имеем. Если это сделать, то тогда мы можем иметь приемлемый темп роста, тогда мы сможем обеспечить использование потенциала, который имеется в нашей экономике, в период до 2020-2030 годов.

Дальше есть две простых иллюстрации того, что без экономического счёта все аргументы тонут и не являются обоснованными. Например, нам всё время говорят про то, что загрузка мощностей близка к критичной. Но если мы посмотрим в реальности, как устроена ситуация в промышленности там, где эта загрузка имеет какое-то отношение действительно к удовлетворению внутреннего спроса, то мы увидим, что ситуация абсолютно другая, что у нас есть отрасли, в которых загрузка существенно выросла, но

там и выросли вводы мощностей, а есть отрасли, где нагрузка осталась очень высокой, и там, соответственно, остаётся потенциал. То есть никакой драмы здесь мы не видим.

Следующее. Нам всё время говорят про драму, связанную с численностью населения, состоянием пенсионной системы и так далее. Но если попробовать это считать, то на самом деле основные выводы состоят в следующем: несмотря на рост демографической нагрузки лицами в возрасте старше трудоспособного в ближайшее десятилетие, общая демографическая нагрузка достигнет уровня шестидесяти годов только в середине тридцатых годов. Даже в случае сохранения текущих уровней экономической активности соотношение численности иждивенцев и занятых только в пятидесятые годы достигнет значений, которые мы имели в конце девяностых – начале двухтысячных годов. То есть та драма, которая, казалось бы, вот сейчас уже на пороге, если пытаться это всё считать, то получается, что абсолютно не очевидны все эти послы.

Вот на этом слайде вы можете видеть наши оценки экономического потенциала. То есть здесь есть два сценария – сценарий инерции и сценарий экономического потенциала, и можно отметить, что мы вот сейчас постепенно сваливаемся в сценарий инерции. Что это означает? Это означает, что тот потенциал экономического развития, который мы имеем, примерно на 30% будет недоиспользован. И это, как мне кажется, существенные потери.

Теперь я хотел бы перейти к части методологии. Вот все эти оценки, которые я сделал выше, мы делаем на наших модельных построениях. Они устроены в соответствии с некоторыми ключевыми принципами. Во-первых, это согласованность переменных моделей друг с другом. Во-вторых, это замкнутость, то есть мы стараемся максимально замыкать наши модельные конструкции. Мы оцениваем не только прямые, но и обратные связи в экономике, и любой конкретный макроэкономический отраслевой сюжет мы всегда погружаем в общую экономическую среду. То есть мы не делаем изолированных расчётов, мы стараемся делать расчёты, которые являются максимально комплексными.

Следующее. В нашем институте мы пытаемся исследовать различные элементы экономики, и тут мы, конечно, приходим к выводу, что использование какой-либо одной модели для практического макроэкономического или отраслевого прогнозирования невозможно. То есть мы должны использовать комплекс моделей, и этот комплекс моделей включает у нас краткосрочные модели, в которых в основном используется инерция. Используем мы среднесрочные модели, там, квартальные, используем межотраслевые модели, используем модели региональные, межрегиональные. Кроме того, разумеется, мы используем специальные модели для согласования сценарных условий. Ну и, разумеется, демография.

Вот здесь вы видите примерные взаимосвязи в комплексе межотраслевых моделей, межотраслевой модели Конта, которая используется в нашем институте, которая использовалась в том числе для разработки долгосрочного прогноза на период до 2030 года. То есть в основе лежит межотраслевая модель сорокачетырёхотраслевой классификации, ценовая модель, модель бюджета, внешней торговли, натуральных балансов и энергетического баланса. А управляющим параметром этой модели в основном является сценарное условие и элементы экономической политики.

Следующее. Ну, вот школа Александра Ивановича Анчишкина была связана в том числе с использованием производственных функций. Сейчас под производственной функцией мы понимаем несколько более широкий набор взаимосвязей. На самом деле вот на данном слайде представлена наша модель, упрощённая схема нашей модели нефтяной отрасли. По сути это производственная функция, где мы учитываем капиталоемкости, динамику инвестиций, выручку, изменение категорий запасов. То есть это такой отраслевой счёт, который потом, когда мы получаем уже результат, мы погружаем в нашу общую межотраслевую модель, где он формирует соответствующие объёмы выпуска и другие показатели, связанные с деятельностью нефтяного комплекса.

Кроме того, в отдельных случаях мы опускаемся на уровень, когда нам необходимо моделировать не только отрасль, но и отдельные бизнес-единицы этой отрасли. Ну, в частности, в нефтяном секторе эта задача является разрешимой, потому что количество бизнес-единиц не такое большое, и в этом смысле тогда отрасль формируется из экономики отдельных компаний, а потом уже этот агрегат мы помещаем опять же в наш межотраслевой счёт. И, таким образом, опять же формируется такая вот замкнутая конструкция.

Ещё одно важное направление наших исследований – это создание межотраслевых и межрегиональных комплексов. Вот, в частности, ровно такой комплекс был создан для прогнозирования перевозок на международном транспорте, где мы формируем не только динамику в целом по экономике, но мы и формируем динамику по отдельным видам грузов и по всем видам сообщения для межрегиональных перевозок. Это довольно сложный комплекс, и в течение последних трёх-четырёх лет мы этот комплекс сделали. Мы сделали прогноз. Этот прогноз в том числе используется «Российскими железными дорогами».

Ну и ещё одно направление нашей деятельности – это создание адаптируемой системы моделей для стран единого экономического пространства. То есть вопрос интеграции на постсоветском пространстве является одним из элементов экономической политики, и, соответственно, мы используем этот элемент, мы создаём соответствующий модельный инструментарий и на основе этого модельного инструментария формируем наши прогнозы, связанные с динамикой на постсоветском пространстве.

Что бы я хотел сказать в заключение. В начале я говорил о текущей ситуации, об экономической динамике, потом я говорил о методологии. Но есть ещё один элемент нашей текущей деятельности. И Александр Иванович Анчишкин, и Юрий Васильевич Ярёмко, и Станислав Сергеевич Шаталин – они в своей деятельности всё время сталкивались с довольно тяжёлым идеологическим гнѐтом, потому что основная часть их деятельности была в тот период, когда идеология была такой неотъемлемой чертой нашего общества. Но, к сожалению, я должен сказать, что и сейчас зачастую решения в области экономической политики принимаются не на основе взвешенных экономических решений, а на основе каких-то идеологических догм. И тут, конечно, надо понимать, что экономическая политика должна быть гибкой, что не бывает хороших и плохих экономических решений априорно, что существуют эффективные и неэффективные меры экономической политики. Так вот, для того чтобы понимать, какие меры экономической политики являются эффективными, а какие – неэффективными, для этого и существует экономическое прогнозирование, для этого и существует та школа, которую создал Александр Иванович Анчишкин.

Спасибо.

Ивантер. Спасибо большое.

Иван Сергеевич Мотиров. Пожалуйста, приготовиться Вячеславу Степановичу Панфилову. Я не вижу Узякова. Ну, он добывает нефть, поэтому что ж, нормально.

Мотиров. Я хотел бы тоже поблагодарить за приглашение поучаствовать в этой конференции, потому что для меня это очень важно. Александр Иванович очень многое сделал, в частности для меня, и я ему всегда благодарен за то, что он, можно сказать, сделал из меня какого-никакого учёного. И сейчас, в общем-то, с высоты сегодняшнего возраста трудно представить себе, что Александр Иванович был бы каким-то престарелым академиком. Это был бы молодой человек, который очень глубоко видел всё, что происходило рядом, умел всегда подсказать те детали, из которых можно было выстроить, так сказать, понимание того, из чего всё-таки складывается тенденция.

И, допустим, тридцать с лишним лет назад мы тоже, только уже на другом языке, обсуждали все эти самые вызовы, угрозы и прорывы, которые в этом возможны. Особенно этому помог, как я сейчас помню, 1979 год. Тогда советский экономический механизм дал такой осязаемый первый сбой, который немногие увидели, но если посмотреть

справочник, в котором вместе стоят 1978-й и 1979-й годы, там видно, что это вот такое было первое серьёзное обрушение, из которого надо было делать выводы. И все, кто понимал толк в вызовах и прорывах, они видели, что это, в общем-то, недомогание.

И надо сказать, что это недомогание никуда не ушло и никуда не делось. Оно осталось. Я имею в виду, что экономика складывается из многих различных явлений, продуктов и так далее, но, в принципе, всегда можно выделить те отрасли, которые, собственно говоря, и составляют лицо экономики. Это, если говорить совсем по-научному, те продукты, которые входят в валовый внутренний или национальный продукт с высокими предельными полезностями. И можно либо специально как-то подтасовывать статистику макроэкономическую, либо это делать неосознанно, как это делало, допустим, в семидесятые годы ЦРУ, которое насчитывало советский ВВП как половину американского, но, тем не менее, всё равно истинные цифры всегда вылезают в том векторе, который характеризует экспорт страны.

Вот что бы вы ни делали, вы вот возьмите любой проект более или менее нормальной стройки или какого-то объекта или вообще проект, который кто-то хочет претворить в жизнь. Вы всегда там найдёте германское оборудование. И немцы не делают его для внутреннего спроса, для внешнего спроса. Они просто его делают. Оно хорошее и оно расходуется по всему миру, и даже не только в России, а в любой стране загляните в документацию – и увидите там германское оборудование. И поэтому, если смотреть платёжный баланс и структуру продаж, с которыми страна выходит на мировой рынок, то, собственно говоря, и видно, из чего состоит её мощь.

И надо сказать, что за последние сто лет видимый такой в статистике, где угодно, признаваемый всеми структурный сдвиг был только однажды, и календарно он произошёл во время, когда был проведён такой прыжок от второго Баку к Западно-сибирскому нефтегазовому бассейну. Если раньше, когда ещё была индустриализация, и в большом количестве в страну текло оборудование европейско-американское, то тогда расплачивались чем? В основном золотом, зерном, круглым лесом и картинами из Эрмитажа. А уже в годы застоя необходимый импорт, а тогда всё уже было дефицит, весь импорт покрывался в основном доходами от экспорта нефти и газа. То есть вот всё, что произошло. Больше мы, видимо, так по-крупному никогда ничего не видели.

Если говорить о российской экономике, не привлекая всё, что происходило до 1917 года, то здесь вообще ничего не происходило пока. Если взять, допустим, любой наш экспорт (сейчас про СЭВ я отдельно скажу) в любую страну – допустим, в Финляндию, вот в семидесятых годах 70% советских поставок в Финляндию составляли газ и нефть. Берём сегодняшний день – те же 70%. Иллюзия того, что у нас вообще в экспорте как таковом была какая-то большая часть машин, оборудования и так далее – это тоже в каком-то смысле фикция, потому что в основном это шло на искусственно созданную организацию, называемую «Совет экономической взаимопомощи». И вот признаваемые на мировом рынке замечательные продукты с высокой предельной полезностью, такие как нефть и газ, обменивались на болгарские электрокары, на болгарскую электронику, на польские станки. И это не было баловством, потом это всё сказалось, и достаточно сильно сказалось, когда механизм начал сворачиваться, когда всё стало плохо, и необходимо было что-то делать. Как вы помните, дали предприятиям свободу на мировом рынке, они стали не него выходить и по клиринговым соглашениям выкачивать всё, что им полагалось по импорту. И тогда, опять же, замечательные продукты с высокой предельной полезностью – нефть и газ – опять заменялись вот на эти, если иметь в виду торговлю с социалистическими странами, опять на те же продукты, которые сейчас никто и видеть не хочет. Даже если вы возьмёте гдээрзовские автомобили какие-то такие, как «Варбург» и ещё там был – короче говоря, за ними раньше очередь стояла, а теперь попробуйте немцы его предложить, на нём покататься.

И всё это вылилось в то, что вдогонку советским субсидиям, которые вечно шли на поддержание экономики социалистического лагеря, ещё появилась задолженность России

перед ними вот именно по этой причине. То есть неэквивалентный обмен привёл к тому, что Россия оказалась буквально каждой социалистической стране должна. И этот долг выплачивался с большими усилиями, потому что он пришёлся на очень трудные времена, и это было очень сложно делать, и на самом деле только недавно, относительно недавно всё это закончилось.

Поэтому если говорить опять же о России, то можно смело констатировать, что вот сорок лет в структуре экономики просто-напросто ничего не происходит. Доля углеводородов в экспорте наращивается, а если принять во внимание, что металлы и удобрения съедают при своём производстве также огромное количество топливно-энергетических ресурсов, то, в общем-то, мера риска становится понятной. И, как говорят некоторые учёные, становится вопрос, можно ли всё это преодолеть прорывом, вот именно прорывом, который стоит сегодня в заголовке той темы, которую мы сегодня обсуждаем?

Вот моё глубокое убеждение, что прорыв здесь не удастся, потому что это не стратегия какая-то, она может быть разной. Даже дело же не в том, что у нас один продукт доминирует. Он мог доминировать какое-то короткое время, а потом появиться другой продукт и так далее; это, в общем, такая динамическая диверсификация. Но это означает, что это просто нарост образовался сам собой, никто его не регулировал, никто этим не занимался, и здесь никаких прорывов не получится. Здесь будет многоступенчатая непопулярная и очень длительная, я бы сказал – на десятилетия заложенная работа, очень трудоёмкая, которую трудно даже назвать прорывом. Это будет продавливание того, что сейчас сложилось. И тут тоже результаты будут видны, как только это удастся(?), понятно, что мы должны будем расти где-то темпом не меньше чем 8% в год, как китайцы, причём это должно быть не один год, не два, а десять лет, пятнадцать лет, двадцать. И только тогда вот то, что сейчас сложилось как структура, поменяется, и мы не узнаем Россию. А без этих усилий всё будет, так сказать, идти своим чередом и приведёт неведомо куда.

Поэтому понятно, что надо что-то делать. Вот методом исключения получается, что, в общем-то, и идти особенно некуда, вариант-то остаётся только один. Потому что рынки массового спроса подмяли под себя китайцы и ближайшие к ним народы, и, в общем-то, с ними соревноваться в этом смысле сейчас России как-то не получится. Я просто знаю: по многим проектам пытались насильственно проводить локализацию, по многим продуктам, по потребительским, по оборудованию и так далее. Это всё очень сложно, это просто невозможно, особенно если воюешь с китайцами. То есть битва за издержки Россией и российской экономикой будет проиграна, и это очевидно. Остаётся новизна и качество. Это то, куда сейчас переходят европейско-американские экономики, и вот старые «азиатские тигры». Это единственная ниша, в которую мы можем вписаться, и которая нам светит через многие-многие годы. Других ниш для наших трудящихся, для наших предпринимателей просто нет. И идти надо именно туда. А чтобы туда идти... Короче говоря, путь очень сложный. Что называется, описывать Город Солнца достаточно легко, и я бы это сделал, если бы у меня было время, но я думаю, что на самом деле здесь нужна некая дорожная карта, которая – я уверен – конечно, допустим, у Александра Ивановича уже была на руках.

Спасибо.

Ивантер. Большое спасибо.

Вячеслав Степанович Панфилов. Просьба какая: Иван Сергеевич был первым, поэтому мы его почти не трогали в отношении регламента. Просьба, коллеги, укладываться в пять, максимум семь минут. И Александр Александрович взял на себя жёсткие обязательства гнать людей с трибуны – тех, которые будут сильно задерживаться.

Аузан. Поэтому приглашает Виктор Викторович, а прогоняет Александр Александрович.

Ивантер. Спасибо.

Панфилов. Спасибо.

Первое, что я хотел бы сказать – это то, что Александр Иванович при всём том, что о нём было сказано, одновременно был ещё, с моей точки зрения, выдающийся теоретик. И в этом смысле нам до сих пор не хватает во всех наших рассуждениях такой хорошей теории, на которой мы бы основывались и делали свои выводы. К сожалению, у меня такой теории тоже не хватает, поэтому я прошу меня простить за некоторые расхождения между моими теоретическими воззрениями и практическими выводами, о которых я буду говорить. И тем не менее.

Вот тут уже упоминалось относительно определённых аналогий между периодом семидесятых – начала восьмидесятых годов и современной ситуацией: такое некоторое, так сказать, издание ремейка. Вот по экономической ситуации в Советском Союзе, в России, да и – к сожалению или к счастью – в мире тоже. Если в мире мы переживали в семидесятые годы нефтяные кризисы и всякие проблемы, то в настоящее время мы переживаем долговую, фискальный кризис, который, вообще говоря, самым существенным образом воздействует. Вот Александр Александрович сказал, что внешнее воздействие нейтрально. В каком-то смысле оно действительно нейтрально на российскую экономику, но только в смысле некоторых вот так спросовых формальных потоков.

Что касается той ситуации, в которой находится современная мировая экономика, оно совсем не нейтрально, потому что денежные власти и, вообще говоря, политические власти, которые сейчас находятся во главе ведущих стран мира, ставят огромные риски перед мировым развитием. Вот мы с вами сейчас рассказываем, проблема – часто её воспринимают как смешную, но вы вдумайтесь, что таким людям, так сказать, дано право принимать соответствующие решения, как то, что объявлять или не объявлять дефолт в Соединённых Штатах Америки. А соответственно, значит, из этого следует то, что мы должны быть готовы к любым возможным вариантам, которые могут возникнуть во внешнем мире – и, соответственно, свою экономическую политику строить исходя из этих соображений.

Теперь, что показал наш институт? Александр Александрович в докладе многое сказал, но, на мой взгляд, самая центральная вещь, которую, на мой взгляд, показал наш институт – это то, что потенциал экономического развития в Российской Федерации существенно превосходит не только то текущее состояние, которое в настоящее время мы наблюдаем, но и собственно те темпы, которых мы добивались в период довольно высокой экономической динамики. И в долгосрочном плане этот экономический потенциал позволяет, на наш взгляд, Российской Федерации к середине тридцатых годов выходить на ведущие мировые позиции.

Что касается современной политики, то это не политика реализации этого потенциала, а политика сбалансированного развития, как мыслится теми людьми, которые воспринимают это сбалансированное развитие как формальный бухгалтерский баланс, совершенно забывая о том, что собственно экономическая динамика, по сути, и формирует те финансовые ресурсы, которые и двигают соответствующее экономическое развитие. Более того, современная экономическая политика предполагает, что если мы её проводим, то мы где-то там выйдем на темпы в 3% в год на довольно длительный период времени, а всякого рода структурные реформы приведут к тому, что мы получим в определённой мере устойчивый рост. К сожалению, наши расчёты показывают то, что собственно эту экономическую динамику в 3% при соответствующей политике поддержать нельзя, и не только с точки зрения межстрановой конкуренции, но и просто с точки зрения внутренней экономики. Поскольку опять же, вот в исследованиях нашего института показывается, что минимум два, если измерять это в численном выражении, примерно 2% валового внутреннего продукта надо отдавать на то, чтобы поддерживать нашу инфраструктуру хотя бы в том минимальном работоспособном положении, в рамках которого она работает. А соответственно, значит, для нашей страны 2-3% - это означает

никакой не рост, а фактическую стагнацию с соответствующими падениями уровня жизни.

Итак, Александр Иванович, когда занимался проблемами темпов и пропорций, он как раз и говорил о замедлении экономического развития, когда и трудовые характеристики, и капитальные или, точнее говоря, фондовые характеристики ухудшаются, и собственно проблема состояла в том, как бы интенсифицировать фактор научно-технического прогресса или, как в современное время говорят, совместной производительности факторов. В Российской Федерации стоит ровно та же проблема: как задействовать все возможные факторы развития, чтобы реализовать тот потенциал, который в Российской Федерации есть.

Спасибо за внимание.

Ивантер. Спасибо большое. В соответствии с регламентом следующий доклад Андрея Николаевича Клепача, заведующего кафедрой макроэкономического регулирования и планирования. Я думаю, что здесь важно именно это, а не то, что замминистра; это дело третьестепенное, а вот что он – заведующий кафедрой, это очень важно.

Аузан. Андрей Николаевич в июне уже прошёл конкурс. Он не исполняющий обязанности, он – полноправный заведующий кафедрой, чему, конечно, учёный совет и факультет очень рады.

Спасибо.

Клепач. Спасибо.

Уважаемые коллеги, я попробую остановиться на подходах к стратегическому управлению в условиях российской экономики.

Можно сказать, что если в восьмидесятые годы при попытках модернизировать советскую экономику мы пытались найти некоторый компромисс или какое-то новое единство между планом и рынком, и так или иначе советская система планирования всегда включала в себя не просто директивность, но именно более комплексно стратегический подход к развитию экономики, то девяностые годы были связаны так или иначе во многом с обвалом существующей системы управления и системы директивного планирования. Но надо признать, что полностью элементы как бы директивности и элементы такого стратегического видения не исчезли. И первое, во главу угла, в отличие от тех подходов, которые были у нас в советской системе, всё-таки ставятся вопросы институциональных преобразований, либерализации цен, рынков, смены системы управления, но это так или иначе было связано и с определёнными оценками последствий, ну или с надеждами, что завтра, так сказать, рынок стабилизируется, мы выйдем из кризиса, и будут те результаты, на которые рассчитывали.

Во-вторых, так или иначе продолжалась – или, точнее, по-новому стала формироваться – система прогнозирования, которая включала в себя и краткосрочный прогноз, и среднесрочный прогноз. И должен отметить, ну, здесь присутствует Геннадий Оразович Куранов, который во многом эту идеологию и продолжил. И Иван Сергеевич – тут можно спорить о подходах, но он тоже был в министерстве одним из тех, кто обеспечил сохранение и преемственность подходов, но теперь уже к прогнозированию. Но в каком-то смысле прогноз всегда, и в девяностые годы, включал в себя элементы плана, в том числе директивного, особенно в тех вопросах, которые касались, допустим, изменения цен, которые регулировались государством. Это на нефть, на газ, на электроэнергию. Поэтому элемент директивности здесь сохранился.

Ну и появились среднесрочные программы правительства, которые в девяностые годы утверждались и которые включали в себя не только собственно экономические ориентиры, но и более широко – социальные. Насколько их удавалось реализовывать – это отдельный вопрос, но так или иначе важно, что определённые элементы такого управления стратегического и планирования сохранялись и развивались в девяностые годы.

В двухтысячных мы вступили не только в фазу такой политической консолидации, некоторого восстановления своих и государственных и национальных приоритетов, высоких темпов роста. Не будем сейчас разбираться с факторами этого роста. Но одновременно с этим во многом стал действительно переживать возрождение или ренессанс программный подход к развитию экономики, и само прогнозирование получило тоже новое качество.

Ну, во-первых, прогноз стал в большей степени интегрировать в себя и прогноз развития бюджетной системы, прогноз платёжного баланса, денежно-кредитной политики. Хотя эти элементы были всегда, но, может быть, это скорее моё ощущение, потому что я более активно принимал в этом участие. Но по сути дела прогноз, который начало делать Министерство экономического развития, он в явном, а ещё в большей степени в скрытом виде включал в себя прогноз определённой модели денежной политики, ситуации с платёжным балансом и бюджетной политики. И, по сути дела, министерство выступало как спарринг-партнёр для Минфина, предлагая некоторую, зачастую альтернативную бюджетную конструкцию, хотя результат почти всегда был несколько другим. Бюджет, так сказать, финансовые приоритеты и в двухтысячные годы и сейчас всегда имели приоритет над параметрами развития реального сектора. В этом смысле, как я уже, по-моему, это цитировал в этой аудитории, Михаил Ефимович Фрадков говорил, что у нас не Минфин при правительстве, а правительство при Минфине, и это было правильно как во времена Фрадкова, так и, к сожалению, сейчас; даже, возможно, в большей степени.

При этом, что очень важно, наряду с определённым новым качеством прогнозирования действительно произошло возрождение программного или стратегического подхода. Начали формироваться стратегии развития целого ряда секторов экономики, причём зачастую достаточно детально. Это не только стратегия топливно-энергетического комплекса, которая разрабатывалась раньше, но были разработаны стратегии практически по всем базовым отраслям промышленности: от авиации, где есть прямое государственное регулирование, до металлургии, где регулирование носит косвенный характер в основном в связи с таможенно-тарифными мерами и определёнными подходами к подготовке кадров.

Наряду с этим стала выстраиваться система фактически таких стратегических планов того, как должны работать ведомства или осуществляться государственная политика. Это так называемые ДРОНДы, доклады о деятельности тех или иных ведомств. Но эта деятельность связана, хотя она порождалась бюджетным процессом, на самом деле носила более широкий характер, то есть ведомства стали формировать на среднесрочную перспективу цели и индикаторы того, что они должны достичь, включая как должна снизиться смертность в здравоохранении или дорожные происшествия в части, связанной с МВД и Минтрансом. И под это прорабатывались мероприятия, и более того, была сделана заявка или декларация о том, что это будет увязано с бюджетом, хотя реальной, конечно, стыковки с бюджетным процессом эти планы не имели.

Был подготовлен и документ высокого уровня, не просто подготовлен, а принят правительством, и не только программа Грефа в 2000 году на десять лет, но и в 2008 году так называемая концепция долгосрочного развития, утверждённая президентом, которая, в общем-то, являлась таким социально-экономическим планом и реформ, и макроэкономического роста, и преобразований в тех или иных секторах. Хотя реальная траектория развития и в силу кризиса, и в силу других факторов существенно отличалась от этого, по сути дела до сих пор это наиболее всеобъемлющий документ, который определяет цели и направления политики и экономической, и социальной, и государства. И, что очень важно, даёт образ России, к которой мы должны стремиться, который действительно связан и с изменением такого социального устройства, с созданием экономики и общества, которое позволяет людям реализовывать свои возможности. И, в

общем-то, эта программа рассчитана на существенное изменение геополитического веса или роли России в мировой экономике.

Тем не менее, надо отдать должное, что она реализуется, наверное, в достаточно небольшой степени, процентов на тридцать-сорок, и я уже говорю: не только из-за кризиса, но и из-за определённых внутренних противоречий.

В этом смысле, действительно, та система стратегического как бы управления, которая формировалась в двухтысячные годы, находится, я бы так сказал, в незавершённом состоянии, даже в определённом смысле в состоянии кризиса, потому что эффективность принимаемых решений невысока и, что особенно важно, эти решения разрозненны и противоречат друг другу. Традиционно, допустим, наш бюджет формируется, если брать прогнозы, то они носят сценарный характер, и такой умеренно-оптимистичный прогноз всегда закладывался в проектировке бюджетных доходов. Тем не менее, обязательства и мероприятия, их финансирования, которые закладывались в бюджет, всегда соответствовали обычно инерционному или консервативному прогнозу. Это всегда, особенно в условиях, когда нельзя это перекрыть сверхдоходами от благоприятной внешней конъюнктуры, вело к тому, что реальная траектория развития существенно расходилась с прогнозируемой.

То же самое можно сказать и про многие другие реформы. Мы декларируем одно, но делаем зачастую другое или во всяком случае сильно иное, чем то, что декларируется. Это одна из ключевых причин того, что многие планы остаются именно обещаниями, а не реальной программой действий. И в этом плане это не устраивает никого – ни финансово-экономический блок, ни правительство в целом. И по сути дела сейчас в рамках того бюджета, который предпринимается, была сделана попытка всё согласовать, что, правда, привело к тому, что правительство отказалось от такого умеренно-оптимистического или инновационного прогноза и встало на позиции, что и бюджет, и прогноз, ну и по сути дела все решения должны быть крайне консервативными, жёсткими. За этим стоит сокращение в реальном выражении на ближайшие три года расходов на науку, на образование, здравоохранение, примерно стабилизация расходов на транспорт при продолжении роста расходов, связанных с модернизацией оборонного сектора и безопасности.

По сути дела, действительно можно сказать, что это не просто вопрос конкретно этого бюджета, но это вопрос развилки: либо мы должны откатиться от определённых целей, которые были декларированы и в КДР, и в программных документах, и привести их не просто в соответствие с реальностью, но с нашим реальным бюджетным процессом, либо мы должны так или иначе прийти к новому, другому облику стратегического управления и решения задач, которые стоят перед страной. И это и управленческий подход, это и выбор тех траекторий развития, о которых говорил и Александр Александрович в своём выступлении, да и о которых говорит всё научное сообщество. Либо это траектория крайне умеренного консервативного роста, который построен на адаптации к мировой экономике. Мы не претендуем бежать впереди всех, но тут вопрос даже не просто в темпах, а мы не претендуем на какой-то качественный рывок. То есть наша политика – это политика консервативная, политика, где во главу угла ставятся так или иначе финансовые пропорции, финансовая сбалансированность и накопление капитала, и не только частного, но и государственных фондов. Либо это всё-таки новые подходы к политике развития, когда мы идём на риск, мы идём даже на определённые элементы несбалансированности, дефицитности, но которая позволяет сделать действительно рывок и создать новое качество и экономики, и общества. И это потребует изменения подходов в том числе и к стратегическому управлению. Я здесь выделю, может быть, несколько моментов.

Первое. Это всё-таки примат реальных интересов и приоритетов развития как человеческого капитала, так и производственного сектора над краткосрочными и среднесрочными финансовыми приоритетами. Это означает, что по сути дела главным документом должен быть не бюджет, а прогноз. Напомню, что прогноз сейчас вообще не

утверждается правительством. Его статус – это документ, материал для подготовки бюджета. В этом смысле это означает, что правительство должно принимать прогноз как по сути дела не просто цифры или базу для расчёта бюджета, а именно как оцифрованную политику государства, и в данном случае – по реализации основных направлений деятельности правительства, которые есть, но в полной мере не выполняются.

Во-вторых, это означает, что мы действительно должны и через бюджет, но в первую очередь через свои программные решения реализовать те преобразования, те реформы, которые были заявлены и в здравоохранении, и в образовании, и в транспортной сфере, и в развитии науки. Мы не можем быть инновационной державой, мы вообще не можем быть не только великой Россией, но конкурентоспособной, если мы делаем ставку на сокращение расходов на образование, которые у нас сейчас чуть выше, чем в Индии, но примерно на уровне Бразилии. Расходы на здравоохранение ниже примерно в два с половиной раза, чем в европейских странах. Выше, чем в Китае, но тоже соответствуют, недалеко от Бразилии и Индии. Расходы на науку отстают уже от всех стран (я имею в виду не только частные расходы, но в данном случае и государственные расходы), включая Бразилию. При этом, в отличие от Бразилии, у нас есть большая академия наук, но и с точки зрения институциональных преобразований, и с точки зрения финансовых параметров она в рамках сложившейся траектории развития просто не нужна. Поэтому здесь необходим не только вопрос реформы академии наук, это вопрос реформы самой модели экономического роста.

Третий аспект – это аспект региональный и аспект как бы пространственного развития нашей экономики. Так или иначе, Россия – это крайне многообразная страна. И одна из проблем как раз и, может быть, потеря именно уже двухтысячных годов, что мы во многом утратили традиции регионального прогноза, то есть прогноза регионального развития, и вообще балансировки развития разных регионов. У нас есть несколько точек типа Кавказа, Калининграда, ну и теперь Дальнего Востока, где сосредоточено внимание, где сосредоточены финансовые ресурсы, но в целом сбалансированной региональной модели развития у нас нет. И поэтому необходимо действительно определённое возрождение не только прогнозного, но схем территориального развития и программ территориального развития. В противном случае дифференциация регионов России, которая и так огромна, будет резко нарастать. И это дифференциация не только между окраинами и Москвой, но это дифференциация между как бы глубинной Россией в центре страны и столичными агломерациями типа Москвы и Питера, что по сути дела в восьмидесятые годы рост этой дифференциации сыграл огромную роль в развале Советского Союза, и сейчас это не только вопрос экономических рисков, но и социальных.

Ну и, может быть, последний момент. Это то, что на самом деле последние годы показали возросшую потребность уже не просто в долгосрочном прогнозе, а по сути дела в прогнозе сверхдолгосрочном. Потому что, учитывая и тенденции, которые сложились в мировой экономике, и у нас, при всех недостатках со статистическими рядами мы всё равно имеем дело с вызовами, которые формируются не просто даже в рамках традиционного одиннадцатилетнего цикла, но которые так или иначе связаны с волнами и циклами экономической динамики, которые имеют семнадцати-восемнадцатилетний период, тридцати пяти, семидесяти. Ну и, как некоторые коллеги – и Геннадий Оразович, и вот Доброчеев, по-моему, присутствующий в этом зале, – говорят про стосорокалетние циклы. И они есть и в российской экономике, и в мировой, и мы их вынуждены учитывать, и особенно в связи с развитием технологий, вообще с развитием самой модели общества, ну и в более прикладном плане – в рамках демографического прогноза и прогноза развития пенсионной системы. В этом плане я считаю, что будущее у стратегического управления в России есть, и более того, для того чтобы было по-настоящему светлое будущее у России, действительно необходимо создать новый облик и стратегического управления.

Спасибо.

Ивантер. Уважаемые коллеги, хочу отметить, блестяще уложился в регламент Андрей Николаевич, блестяще.

Сейчас Михаил Юрьевич Ксенофонтов, и приготовиться Орешину.

Ксенофонтов. Уважаемые коллеги, я с благодарностью воспринял приглашение на эту конференцию, поскольку связан достаточно глубоко и с кафедрой, и с институтом, который был организован Александром Ивановичем, и в контексте обсуждения того доклада, который представил Андрей Николаевич, я хотел бы высказать кратко несколько соображений всего-навсего.

Я думаю, что в современном мире нарушилось в существенной степени равновесие между возможностями построения прикладных прогнозов. В этом отношении методики достаточно развиты и широко распространены, и уровню развития методологии прогнозирования, которую... методология отходит на второй план, потому что так получилось, что на первый план вышли практические оценки, количественные оценки, и этим занимается большинство исследователей. Тем не менее, я хочу обратить внимание на то, что в сфере использования прогнозов возникают такие коллизии, которые способны существенно обесценивать такую прикладную работу.

Я приведу простой пример, случай, который произошёл в своё время на энергетических семинарах, которыми руководил Александр Семёнович Некрасов. Подряд было два выступления. Одно выступление было представителя Института энергетических исследований академии наук. Второе – выступал Марат Наильевич Узяков. И тема была одна и та же: как повышение цен на энергоресурсы способно повлиять на экономическую динамику. Первый докладчик из Института энергетических исследований выступал примерно таким образом. Он говорил: «Ну, во-первых, я представляю прекрасный институт, со мной работает команда прекрасных исследователей, у нас прекрасная модель, и результаты расчётов по этой модели показывают, что повышение цен на энергоресурсы никоим образом не скажется негативно на экономической динамике». Через неделю выступает Марат Наильевич Узяков, который выступает в том же самом ключе: о том, что он – представитель прекрасного института, прекрасной команды исследователей, представляет результаты расчётов по замечательной модели – и эти результаты свидетельствуют о том, что повышение цен на энергоресурсы способно сильно сократить темпы экономического роста. Я понимаю, что это был семинар всего-навсего, но, честно говоря, я не видел столь разочарованной аудитории, чем вот те люди, которые выходили после второго семинара.

В чём здесь методологический вопрос? Методологический вопрос связан с тем, что мы в своих исследованиях не уделяем должного внимания акцентированию тех существенных гипотез, которые мы используем в своих прекрасных модельных построениях при разработке наших прекрасных прогнозных сценариев. Мы не считаем это достойным всеобщего внимания, мы считаем, что это просто элементы рабочей «кухни».

Тем не менее, это имеет принципиальное значение, потому что когда я пробовал разобраться, в чём причина столь значительных расхождений в оценках влияния роста энергетических цен на экономическую динамику, то выяснилось, что в модели Института энергетических исследований темпы роста просто были заданы. И фактически расчёты по модели показывали, что если темпы роста будут большие, высокие, то можно спокойно идти на повышение цен на энергоресурсы. Эта экономика сможет адаптироваться в таком режиме роста к повышению энергетических цен. А в рамках расчёта Марата Наильевича Узякова оказывалось, что темпы роста не были заданы, они формировались в соответствии с тем, как в перспективе формируется экономическая конъюнктура, и важнейшим негативным элементом этой экономической конъюнктуры был рост энергетических цен. В результате оказывалось, что рост цен негативно влияет на экономическую динамику.

Какой урок можно извлечь? Если мы даже на профессиональных семинарах в рамках профессионального сообщества не всегда способны договориться и понять друг друга, то можно представить себе, какое раздражение та же ситуация может вызывать у тех людей, которые по должности заняты разработкой экономической политики, когда они приглашают экспертов из одного института, экспертов из другого, экспертов из третьего института – и слышат от них три разных ответа на один и тот же вполне конкретно сформулированный вопрос. А дело всё в том, что если бы мы уделяли больше внимания тому, что можно было бы назвать уточнением исходной постановки прогнозно-аналитической задачи, уточнением или конкретизацией тех гипотез, которые мы явно или неявно принимаем в процессе своей работы, то мы бы оказались каждый из нас по-своему полезен в процессе информационного обеспечения принятия решений. Потому что вот тот пример, который я привёл, можно интерпретировать таким образом, что если результат, который сделан в Институте энергетических исследований, показывает, что если у правительства есть надёжная политика поддержания высоких темпов роста, то в этой ситуации оно может совершенно спокойно смотреть на некоторую повышательную динамику энергетических цен. И это правильный ответ для определённой ситуации. Если у правительства нет таких рычагов, которые гарантированно обеспечивают высокие темпы роста, то следует обратить внимание на результат, который был получен командой Марата Наильевича Узякова, который говорит, что здесь высокие риски, здесь рост энергетических цен способен серьёзно негативно сказаться на экономической динамике. Оба ответа оказываются полезными. Они не находятся в конфликте друг с другом, они не отрицают друг друга, они являются важными элементами информационного обеспечения того процесса, в котором рождается экономическая политика, экономическая стратегия. И это тот процесс, в который экономическое прогнозирование должно внести свой максимальный вклад.

И, с моей точки зрения, большее внимание различным вопросам онтологии. Здесь я остановился только, может быть, на одном вопросе. Их множество. Достаточно, может быть, ещё вспомнить то, о чём говорил Андрей Николаевич: о том, что наши прогнозы в каком-то смысле похожи на обсуждение путешествия по карте. Карта может быть очень подробная, карта может быть такая очень приблизительная, но, как вы знаете, ходить по карте – это одно, ходить по реальным полям, лесам, джунглям – это совсем другая история. Так вот мы должны осознавать разрыв в понимании между нашей картиной мира и понимании того, как устроен мир, теми людьми, которые принимают решения. Мы, к сожалению, не знаем всех нюансов того, как принимаются даже совершенно правильные, рациональные и эффективные решения и какие барьеры могут возникать. Андрей Николаевич сказал, что одно дело – исходить из того, что правительство – это Минфин есть одно из подразделений правительства, другое дело – реальная ситуация, когда можно интерпретировать ситуацию как правительство при Минфине. Совершенно разные ситуации, и в одном случае наши рекомендации могут быть восприняты как полезные и реализуемые, в другом случае они кладутся на полку.

Благодарю за внимание.

Соведущий. Владимир Константинович Фальцман.

Фальцман. Если попытаться сформулировать основную идею научного наследия Анчишкина, я бы сформулировал ее так. Конечно, ничего нового тут сказать вам не могу. Это интенсификация экономического роста на основе научно-технического прогресса. Именно так, примерно так формулировалась основная идея комплексной программы научно-технического прогресса.

Остается ли эта идея сейчас, актуальна ли она? Актуальность этой идеи резко возросла, потому что статистика показывает, что доля машиностроения, обрабатывающей промышленности в целом падает, сырьевой сектор растет более высокими темпами. То есть структура народного хозяйства в целом неблагоприятно изменяется. И поэтому эта тема, конечно, остается актуальной.

Тем более, что если посмотреть, как сырьевой сектор влияет на развитие, о чем тут говорил профессор Ксенофонов, наш коллега, оказывается, что влияет не столько увеличение объемов добычи нефти, газа, других видов ресурсов, сколько увеличение цен. А это значит, что Россия жнет там, где не сеяла. Цены-то возрастают не по нашей вине. Они вообще неуправляемы. И поэтому все время на разных уровнях у разных людей возникает вопрос: а что будет с нами в дальнейшем, если цены изменятся. Всегда и всюду ставится этот вопрос. Так что актуальность этой проблемы возрастает.

Прошла четверть века, а вопросы не решаются. Точнее, решаются с точностью до наоборот. Посмотрите, изменилась экономическая система, сменилось несколько поколений людей, которые стоят у власти, а воз-то и ныне там. Может быть, есть какие-то объективные причины?

Не берусь называть много, но скажу одну, тоже известную. Это голландская болезнь, которая проявляется в том, что тонну нефти добыть намного легче, проще и эффективнее, чем грамм знаний, тем более если речь идет об инновации, то есть коммерциализации этих знаний. Это намного сложнее. Естественно, экономика, так же как река всегда течет туда, где ниже уровень... Только насильно можно как-то это изменить. И здесь происходит то же самое.

По окончании комплексной программы Александр Иванович написал книгу, которая называлась «Наука. Техника. Экономика»...

...В этих областях происходят огромные изменения за последнее время. Почему? Потому что мы пошли по направлению глобализации. Причем еще советская экономика порывалась туда пойти. Вы посмотрите, сколько мы пытались тогда закупать оборудования для насыщения наших строек *. Это колоссальный подъем импортного оборудования, колоссальное падение производства нашей техники. Импорт задавил. Но это хорошо.

В области информационно-коммуникационных технологий мы достигли хорошего уровня на чужой технике. Чужая техника нам помогла прорваться, ликвидировать в сфере ее применения нашу отсталость. У нас сейчас компьютеров на душу населения имеется примерно столько же, как в Германии. Хотя мы в 80-е гг. махнули рукой на производство компьютеров. Мы начали тогда упускать(?) экономику.

Зачем я хотел бы обострить эти вещи? Что я хотел бы сказать в своем заключении? Что я считаю важным, в чем моя главная идея, с которой я сюда пришел? Я считаю, что сейчас интерес к научно-техническому прогрессу и его прогнозированию упал. Упал в разных местах: и в науке, и на практике. В наших директивах этого нет.

Более того, за рубежом, когда я говорю моим немецким коллегам, немецким профессорам, что я интересуюсь и занимаюсь проблемой инновационного развития, они говорят: «А разве такое инновационное развитие имеется в России?» Вот для того, чтобы доказать и показать, нужно, чтобы сюда, на эту трибуну пришли люди и выступили в защиту нашей науки, техники, экономики. Спасибо за внимание.

Ведущий. Уважаемые коллеги! Мы сейчас поступим очень демократично. Я назову выступающих. А если вас это не устроит, вы можете не выступать. Я вижу, Эмиль Борисович Ершов, Косов, Шмелев, Крылатых. Я думаю, что если мы начнем с Эмиля Борисовича, это будет, наверное, нескучно. Он обычно так выступает... Это будет интересно. Пожалуйста, Эмиль Борисович.

Ершов. Для того, чтобы войти в регламент, я начну говорить на ходу. Я хочу обратить ваше внимание, что Александр Иванович Анчишкин, помимо того, что он был выдающимся ученым и общественным деятелем, был еще и заведующим кафедрой. Поэтому я хочу сказать немножко о нем как о заведующем кафедрой, какой он был.

Последний раз мы беседовали с ним о проблемах кафедры... Практически это было лето 87-го г. Его наследство, с моей точки зрения – это не только то, о чем мы говорим: о комплексной программе, обо всех остальных проблемах. Он на кафедре ставил вопросы,

которые мы до сих пор обсуждаем. При этом он пытался и на самом деле стимулировал интерес к тем вопросам, которые сегодня становятся особенно актуальными.

Мало кто помнит или знает, что его первая диссертация была посвящена вопросу перераспределения финансовых ресурсов между экономическими агентами. И сегодня уже несколько раз упоминалась эта проблема, поскольку здесь бывают и не очень правильные решения.

Но частично эта проблема в методическом плане, на мой взгляд, начиная с предыдущей нашей встречи (это было в 8-м г., если кто помнит), подвергается некоторому решению. Но именно от Александра Ивановича я впервые услышал необычное для меня словосочетание «качество экономического роста».

Дело в том, что сегодня практически каждое выступление говорит об этом. Мало того, чтобы был экономический рост. Вопрос в том, что он в себе несет, какие последствия он несет, и какие факторы практически сопротивляются экономическому росту.

При этом из наших частных бесед было ясно, что Александр Иванович не является сторонником практического использования в экономической политике или даже особенно в учебном процессе таких показателей, как total factor productivity, то есть общий фактор производительности, хотя бы потому, что в ряде работ (правда, не его и не наших) этот фактор занимает до 90%. На самом деле, просто ничего не объясняет. Поэтому его по-разному называют не очень красивыми словами. Но дело в том, что если не понимать природу, почему в этих моделях, в этих рассуждениях этот фактор остается, между тем, как...

На мой взгляд, он оставил в своем наследии явно не только готовые рецепты, но и серьезные проблемы, которые должны сначала решаться на почве науки и образования, а потом постепенно переходить в сферу практического использования.

Я надеюсь, что кто-то из нас, может быть, не все соберутся через пять лет, и через пять лет кто-нибудь скажет, что проблема отображения в реально измеримые показатели и моделирования именно качества экономического роста, и через что он понимается... Это может пониматься совершенно неоднозначно. Вот сейчас понятно, что некоторый рост, который мы имели в некотором периоде перед этим, что качество его было недостаточно хорошим, потому что мы скатились в то, во что скатились. И это не только под влиянием мирового финансового кризиса или каких-либо других событий. Это следствие некоторой экономической политики, которое появляется не сразу, имеет последствие. И с этим приходится потом встречаться и бороться. Вот я надеюсь, что в этом плане это его наследие будет подхвачено учеными и преподавателями и пойдет дальше.

И второе, что я хочу сказать. Я здесь солидарен с Ксенофоновым. Он говорил, как я его понял, о том, что сухая, не адаптированная к реальным потребностям общества экономическая теория часто преподается без понимания того, к какой ситуации какая версия теории имеет отношение.

Я говорю об этом именно в связи с тем, что здесь университет, и сам я работаю в университете. Я понимаю, какая опасность подготовки молодежи, основанной на таком суженном восприятии экономики, суженном до некоего формализма, без понимания того, какая ситуация на самом деле рассматривается. Я напоминаю, что он говорил о точках зрения двух институтов по проблеме энергии.

Я надеюсь, что коллективно... У Александра Анчишкина это понимание реальной ситуации всегда было. Я надеюсь, что здесь находится большое количество преподавателей, и мы все вместе сможем поддержать именно содержательную трактовку экономического роста и его факторов. Спасибо.

Ведущий. Спасибо.

Соведущий. Спасибо большое. Профессор Коссов. Приготовиться Куранову.

Коссов. Большое спасибо за возможность выступить. Уважаемые коллеги! То, что мне осталось от общения с Анчишкиным: его понимание от работ по прогнозированию

представляется мне следующим образом. Он старался представить, какой будет страна через 20 лет и, исходя из этого, сделать выводы о том, что нужно делать сегодня для того, чтобы случилось то, что хотелось бы, чтобы случилось.

Сегодня разговоры по прогнозированию, которые мне часто приходится слышать, сильно напоминают мне обсуждение строительства поселка без исследования грунта, на котором его надо построить. Поэтому я сейчас скажу три тезиса, что я под этим понимаю. И в заключение скажу тоже три тезиса на тему о том, как я вижу, что надо делать.

Итак, тезис первый. Это обезлюдение страны. Мало того, что она просто обезлюдывает, происходит качественное замещение пассионарных мигрантов из России с высоким образованием низкоквалифицированной рабочей силой из Азии. Страна из евразийской постепенно превращается в страну азиатскую. Выводы делайте сами. Тезис номер один.

Тезис номер два. Это дикое расслоение общества по уровню доходов. Революция в начале XX века случилась при расслоении, если использовать коэффициент фондов(?), 1 к 50. Советский Союз откинул ноль справа, было 1 к 5. Расслоение сегодня, по расчетам Айвазяна(?) 2000-го г. (не официальным Росстата – 1 к 14) – 1 к 35. Статья Лилии Овчаровой, последняя, показывает, что где-то примерно эти цифры сходятся.

Вспомните, революция рванула – было 1 к 50. Сегодня реально 1 к 30. Ситуация взрывоопасная. Общество с таким расслоением всегда сильно возбуждено. Не до того, чтобы что-то созидать. Примерно половина населения – как бы прожить.

Существуют разные оценки, но они говорят примерно следующее. В современном населении России примерно четверть живет вполне хорошо, три четверти – от не слишком хорошо до откровенно плохо. Это представляет собой весьма существенную проблему: что с ними делать, и как делать.

Третий вопрос. Безумно задранные цены на энергию. Они не то, чтобы сейчас безумно задраны. Меня ошарашивает тенденция их безумного роста. Зло она стала проявляться примерно с 2006-го г. Я не буду дальше все аргументировать. Если кому интересно, возьмите статью вашего покорного слуги в «Эко» №3 за этот год. Статья называется «Дорогое горючее как угроза целостности России». Там все расписано.

Теперь выводы. Первый вывод. Я с удовольствием констатирую свое полное согласие с тезисом, высказанным по поводу примата реальных пропорций над прогнозом и ориентировкой на финансовые показатели. Это важно понимать. Сегодня, к сожалению, мы слишком задавлены. Вот какие доходы, а дальше...

Понимаете, мне по роду деятельности, как замминистра экономики, ведающему инвестициями, приходилось много общаться с людьми, которых советская пресса называла акулами мирового бизнеса, виноват, мирового империализма. Ни один из руководителей компании ни разу не сказал о том, что их цель – это прибыль. Они рассказывали, какие изделия они собрались производить, какой спрос и кого они собрались удовлетворять. Для этих людей деньги – результат их деятельности по материально-вещественным пропорциям. К сожалению, эта истина до многих наших людей почему-то не доходит.

Второе. Я считаю, что главное – вернуть людям уверенность. Беда в том, что сегодня большая часть креативного класса, не приближенная к носителям власти, чувствует себя крайне неуютно. Расспросите своих знакомых, которых можно отнести к предпринимателям. Смею утверждать, что подавляющая часть этих людей уже купила жилье на Западе, некоторые определили туда свои семьи. Не обязательно получать вид на жительство. Достаточно иметь многократную визу. Господин Гуриев – яркий пример. Вот что происходит с людьми, когда им начинают наступать на хвост. Утверждаю, что значительная часть предпринимателей находится в таком же состоянии.

Теперь, третье. Да, и что самое главное? Главное – в стране создать обстановку уверенности у этих людей, что у них никто ничего не отнимает. Третье, обуздать

11.10.2013 1

аппетиты по присвоению ренты. Для этого цены на энергоносители должны быть умеренными. Иначе будет плохо.